

ХРИСТИАНСКИЕ ЦЕННОСТИ В СОВРЕМЕННОМ СВЕТСКОМ ОБРАЗОВАНИИ И НАУКЕ: ИСКУССТВЕННАЯ ПСИХИКА ПРОТИВ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Скиба И.Р.

(Минск, Национальная академия наук Беларуси)

В настоящее время насущным стал вопрос о приоритетах в образовательном, научном направлениях деятельности. Это вызывает жаркие дискуссии на форумах высокого уровня. Однако немаловажным является вопрос о сохранении ценностных ориентиров для молодых людей, когда идеологическая платформа не наполнена содержанием. Научный мир полон идей, которые прежде было невозможно осмыслить. Одно из таких направлений – создание искусственного интеллекта.

Необходимость создания искусственного интеллекта оказывает существенное воздействие на приоритеты мирового научного сообщества. Без сомнения, главенствующая роль в разработке искусственного интеллекта позволит той или иной стране, группе ученых войти в мировую историю в качестве совершивших самый большой прорыв со времен изобретения человечеством колеса. Состоявшаяся в 1956 г. конференция «Dartmouth Summer Research Project on Artificial Intelligence» и выступление на ней Джона Маккарти позволило проблематике, связанной с искусственным интеллектом (далее ИИ), прочно войти в сферу интересов различных научных дисциплин [5, с. 185]. Кибернетика, информатика, синергетика, математика, физика, экономика, теория игр, нейропсихология, нейробиология и когнитивизм – таков далеко не полный перечень дисциплин, которые прямо или косвенно затрагивают проблематику ИИ [2; 3; 11; 12].

Начало исследований в области ИИ (конец 1950-х гг.) связывают с работами Алана Ньюэлла и Герберта Саймона, исследовавших процессы решения различных задач [11; 12]. Результатом их совместной работы стали программы «Логик-теоретик» и «Общий решатель задач», действующие на основе применения разнообразных эвристических методов. В 1970-х гг. появилась система автоматизированного перевода документации ЭСПРИТ, разработанная в рамках европейской программы. Значительным продвижением в развитии теории ИИ было выдвижение идеи М. Мински и Р. Шенка о фреймах [6]. Интересы и предпочтения, разумеется, расходятся: одни считают, что интереснее, полезнее и практичнее воспроизводить

различные функции, ранее считавшиеся прерогативой человека, другие же пытаются сделать нечто похожее на то, что в качестве интеллекта функционирует в самом человеке. Философы продолжают спорить о «сильном и (или) слабом ИИ» со времен Джона Серла [13]. «Китайская комната» в войне аргументов противостоит тесту Тьюринга [14]. Сильный ИИ, который «будет разумом в том смысле, в котором человеческий разум – это разум», со своей стороны противоречит тем, кто считает это и вовсе невозможным и «слабым».

Последние из достижений и открытий в области ИИ достойны повышенного интереса и истинного восхищения. Например, программа, написанная сотрудниками Технологического института Джорджии в США, воссоздала игру SUPERMARIO без знания исходного кода. Актуальными задачами для нейросети выступают подготовка отзывов для кафе и ресторанов, определение лиц с нетрадиционной ориентацией по фотографиям пользователей соцсетей [14]. Программа, заявленная в качестве ИИ и разработанная компанией DISNEY, может оценивать качество текста.

Однако, несмотря на эти достижения, многие вопросы, связанные с ИИ, остаются неразрешенными. Корреляция между теоретическим определением ИИ и предполагаемыми (запрашиваемыми) практическими его функциями достигает существенных масштабов в своем несоответствии.

Относительно определений понятия «искусственный интеллект» можно встретить следующие толкования:

- комплексная научная дисциплина, которая занимается созданием ИИ;
- программа, способная к самообучению и саморазвитию;
- машина, способная «думать»;
- алгоритм, способный на творчество и т.д.

Учитывая, что среди гуманитариев понятие «интеллект» само по себе вызывает много вопросов, не совсем понятным является то, чего от него хотят те техники, которые пытаются сделать его «искусственным». Ведь, вроде бы человек сам по себе способен на все то, что на данном уровне развития «умеет» ИИ, но ведь и, к примеру, млекопитающие так же способны на некоторые способы жизнедеятельности доступные человеку (в плане физиологии), но это же не делает их более «человечными», «человеческими» или слишком «человеческими». Таким образом, закономерен вопрос, должно ли считать, что созданные и заявленные в качестве лучших из возможных прототипов ИИ программы, действительно имеют отношение к ИИ и тому, на что он способен? Каковы критерии интеллекта, будь он хоть «человеческим», хоть «искусственным»? Интеллект – это

некий механизм, способный функционировать изолированно или некое качество, свойство, присущее механизму, который сам по себе является чем-то вовсе иным?

В связи с вышесказанным, необходимо обратить внимание на тест Тьюринга и «Китайскую комнату» Серла и рассмотреть их критерии «истинности» наличия ИИ. Выскажем собственную точку зрения относительно теста Тьюринга: на наш взгляд самый главный момент, не уточненный автором-разработчиком, – перечень задаваемых вопросов. Он использовал тотальное влияние контекста ситуации, когда устанавливал критерии собственного теста, т.е. «если я не смогу понять, кто мне отвечает», что является внушительной формулировкой, когда мы помним, что это относится к ситуации, где за ширмой спрятан самый могущественный в мире компьютер и, рядом с ним, обычный среднестатистический человек. Но если задать конкретный вопрос: «В каком году распался СССР?», то среднестатистический человек назовет конкретный год и компьютер назовет конкретный год. И если им обоим смоделировать одинаковые или «почеловечески» схожие голоса для ответа, то ИИ давно уже создан и успешно применяется («Окей, Гугл»), ибо никто не понял бы разницы, а если нет – то в чем же отличие ИИ от живого человека? Видимо, дело не в конкретном ответе в плане информационной нагрузки, а скорее в интонации. И вот именно здесь мы оказываемся в «Китайской комнате» Серла. В целом, относительно данного эксперимента можно сказать следующее: «никто не заметил слона», ибо требования истинности, предъявленные Серлом, непроецируемы в принципе и, более того, они наталкивают способны на мысли о самой природе психики, интеллекта и души. Собственно именно теперь мы и подходим к основной части нашей работы, в которой в противовес тесту Тьюринга и «китайской комнате» Серла присутствуют в качестве экспериментов «Человек без души» и «Анти-Декарт».

Анти-Декарт

Как гласит эксперимент Декарта: он сперва попробовал представить себя без души и это у него не получилось, затем же он попробовал представить себя без тела и это ему весьма успешно удалось [29]. Следовательно – человеку неизбежно присуща душа. При всем нашем уважении к Декарту и учитывая его исторический вклад в научное знание, мы все же попробуем верифицировать его эксперимент еще раз, ибо, по всей видимости (возможно!), Декарт при доказательстве истинности собственного эксперимента использовал то же самое влияние контекста, что и Тьюринг в случае со своим тестом.

Итак, я попытаюсь представить себя без тела и...ничего не произойдет. Мне нечем видеть, ибо глаза остались в теле; мне нечем слышать, ибо уши остались на теле; мне нечем чувствовать, ибо кожа осталась на теле; мне нечем даже думать и представлять, ибо мозг остался в черепахе тела.

Вывод: невозможно представить себя изолированно от собственного тела, следовательно – выводы из эксперимента Декарта неправомерны, а, следовательно, как мы ранее и говорили, – нельзя рассматривать элементы внутреннего мира человека изолированно от самого внутреннего мира человека.

А представить себя без души мы не способны до сих пор потому, что сам термин «душа» является так называемой «смысловой ловушкой», т.е. вопросом, на который невозможен ответ, ибо, как гласят постулаты контрэкзистенциализма: человеческая способность вопросы задавать намного превосходит человеческую способность на вопросы отвечать.

Далее эксперимент несколько сложнее и глобальнее.

«Человек без души»

Представьте себе человека, у которого нет души, психики, интеллекта, чувств, эмоций и всего подобного. Но! Он 24 часа в сутки притворяется, что у него это все есть в наличии и функционирует также, как и у любого другого. Если мы спросим у него: «Есть ли у тебя психика?», то он ответит: «Конечно же, есть! Как и у тебя, наверное!» Но, к примеру, мы ему не доверяем и хотим проверить: не врет ли он нам. Как мы поступим, дабы проверить истинность его слов? Если бы он говорил, что у него есть, к примеру, печень или сердце то, даже если бы мы ему не поверили, то мы всегда могли бы потребовать сделать УЗИ. Если бы он говорил, что у него есть кости – мы бы потребовали сделать КТ. Если бы он говорил, что у него есть мозг – нас спасло бы МРТ. Но вопрос же стоит о наличии психики. Можно попробовать сделать психологические тесты, но он же притворяется 24 часа в сутки, что у него есть психика, поэтому он пройдет эти тесты так же, как прошел бы их обычный человек.

Итак, как мы поймем, есть ли у человека психика, душа, интеллект или же он просто притворяется? Ответ: никак. Мы не знаем ни что они собой представляют, ни где их искать. Поэтому – мы формально даже не можем утверждать, что они «существуют», ибо не знаем, как это доказать. Мы просто априори принимаем, что они есть у нас самих и затем, по Лакану, идентифицируем свое Я с каждым Другим, признавая, что у него они, наверное, тоже есть [7; 8; 9; 10]. Но мы никогда не знаем, как обстоит эта ситуация на самом деле. И именно этого и не учел Серл, когда был в «китайской комнате» и именно этого «слона» никто и не заметил.

Отсюда и возникает вопрос: как мы можем создать искусственный интеллект, если мы даже не можем быть уверены в наличии чего-либо подобного в самих себе? Ответ есть – в «контексте» и экзистенциализме, а также в диалектике и метафизике.

Тезис первый: нам не нужны доказательства – нам нужны функции.

Тезис второй: нам не нужно «понимать» – нам нужно уметь управлять. Поэтому, если ИИ сможет продемонстрировать те качества, которые априори являются сугубо человеческими и мы сможем это смоделировать, – то нас это вполне устроит.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Базарова, Д.Р. Новая нейробионическая модель онтогенеза / Д.Р. Базарова, Л.В. Демочкина, А.В. Савельев // в сб. тр. МИФИ: «Нейроинформатика–2002». – 2002. – Т. I. – С. 97–106.
2. Бейтсон, Г. Экология разума / Г. Бейтсон. – Москва : Смысл. – 2000. – 476 с.
3. Винер, Н. Творец и Будущее / Н. Винер. – Москва : АСТ, 2003. – 732 с.
4. Винер, Н. Кибернетика или управление и связь в животном и машине / Норберт Винер. – Москва : Советское радио, 1968. – 325 с.
5. McCarthy John. Recursive Functions of Symbolic Expressions and Their Computation by Machine, Part I / McCarthy John. – Communications of the ACM, 1960. – Т. 3. – № 4. – С. 184–195.
6. Минский, М. Фреймы для представления знаний / М. Минский. – Москва : Мир, 1979. – 128 с.
7. Лакан, Ж. Инстанция буквы в бессознательном или судьба разума после Фрейда / Ж. Лакан. – Москва : Русское феноменологическое общество, Логос, 1997. – С. 184.
8. Лакан, Ж. «Я» в теории Фрейда и в технике психоанализа / Ж. Лакан // Пер с фр. А. Черноглазова. – Москва : Издательство «Гнозис», «Логос», 1999. – 520 с.
9. Лакан, Ж. Изнанка психоанализа / Ж. Лакан // Семинар, Книга XVII // Пер с фр. А. Черноглазова. – Москва : Издательство «Гнозис», «Логос», 2008. – 272 с.
10. Лакан, Ж. Четыре основные понятия психоанализа / Ж. Лакан // Семинар, Книга IX // Пер с фр. А. Черноглазова. – Москва : Издательство «Гнозис», «Логос», 2004. – 304 с.
11. Саймон, Г.А. Науки об искусственном / Г.А. Саймон. – Москва : Мир, 1972. – 160 с.
12. Саймон, Г., Чинг, Ц. Распознавание, мышление и обучение как ин-

формационные процессы / Г. Саймон, Ц. Чинч // Психологический журнал – 1988. – № 2. – С. 336.

13. Серл, Дж. Рациональность в действии / Дж. Серл ; пер. с англ. А. Колодия, Е. Румянцевой. – Москва : Прогресс–Традиция, 2004. – 336 с.

14. Тьюринг, А.М. Вычислительные машины и разум. / А.М. Тьюринг // Хофштадер, Д., Деннет, Д. Глаз разума. – Самара : Бахрах-М, 2003. – С. 47–59.

БОГОСЛОВИЕ СВЯТОГО АПОСТОЛА ПАВЛА В КОНТЕКСТЕ ИУДЕЙСКОЙ АПОКАЛИПТИКИ ПЕРИОДА ВТОРОГО ХРАМА: ВЗАИМООТНОШЕНИЯ, ВЗАИМОСВЯЗИ И ЗАВИСИМОСТИ¹

*Иерей А.А. Тодиев, Ковшов М.В.
(Сергиев Посад, Московская духовная академия)*

Актуальность настоящего исследования обусловлена глубоким интересом к вопросу о возможной связи иудейской межзаветной апокалиптики и богословского наследия Апостола, наблюдаемом в современной библейской науке. Написано множество работ, посвященных проблеме их взаимосвязи, в которых затрагиваются самые различные аспекты интерпретации апокалиптической эсхатологии. При этом означенный вопрос не получил освещения в святоотеческой традиции, а богатое наследие, представленное западной традицией изучения вопроса, труднодоступно для российского церковного читателя. В современной отечественной библеистике вопрос о соотношении апокалиптической эсхатологии и эсхатологии апостола Павла до сих пор не получил должного систематического освещения. Если считать концепцию «двух веков» основой апокалиптической эсхатологии, представляется необходимым решить вопрос о их возможной взаимосвязи путем анализа роли означенной концепции в богословской мысли апостола Павла. Любой посвященный данной проблеме научный труд, несомненно, является востребованным.

Иудейская апокалиптическая литература межзаветной эпохи (III в. до Р.Х. – I в. по Р.Х.) как особая литературно-богословская традиция, стала

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 16-04-00407.